

ПРЕСТУПНОСТЬ В МОСКВЕ КАК СТОЛИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ*

А. П. Евсеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

CRIME IN MOSCOW AS CRIME IN THE CAPITAL

A. P. Evseev

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: анализируется состояние преступности в Москве за последние тридцать лет. Предпринимается попытка показать, какие правонарушения стали наиболее «востребованными» преступным миром столицы в 1993–2023 гг., а какие постепенно сходят на нет. Рассматриваются не только тенденции преступности Новейшего времени, но и два исследования, ставшие эталонными, – группы М. Н. Гернета (1923) и группы Н. Ф. Кузнецовой (1968–1969). Делается вывод, что преступность в Москве за последние тридцать лет подверглась весьма радикальным изменениям. Отмечаются тренды, в частности, спад насильственной преступности, увеличение корыстной, появление новых видов преступлений, прежде всего киберпреступности и преступлений экстремистской направленности. Рейтинг международных организаций подтверждает, что в сравнении с основными мировыми мегаполисами Москва остается одной из наиболее безопасных столиц.

Ключевые слова: Москва, урбанизация, преступность в городах, состояние преступности, коэффициенты преступности.

Abstract: the article analyzes the state of crime in the city of Moscow over the past thirty years. Taking the time period of 1993–2023, the author attempts to show which crimes have become the most "demanded" by the criminal world of the capital, and which ones are gradually fading away. At the same time, the article is not limited to the crime trends of modern times, but refers to two studies that have become reference ones - to the studies of crime in Moscow by the group of M. N. Gernet (1923) and the group of N. F. Kuznetsova (1968–1969). Paying tribute to his great predecessors, the author at the same time comes to the conclusion that crime in Moscow has undergone very radical changes over the past thirty years. The article demonstrates the emerging trends, in particular, the decline in violent crime, the increase in mercenary crime, the emergence of new types of crime, primarily cybercrime and extremist crimes. Based on the ratings of international organizations, the author comes to an optimistic conclusion that in comparison with the main world megacities, Moscow remains one of the safest capitals.

Key words: Moscow, urbanization, urban crime, state of crime, crime rates.

Посвящается У. Б., которая так стремится стать настоящей москвичкой и непременно ею станет

Вступительные замечания

Прошло без малого сто лет с момента выхода в свет в 1924 г. сборника статей «Преступный мир

* Автор выражает сердечную признательность старшему научному сотруднику Института демографии имени А. Г. Вишневского НИУ «Высшая школа экономики» Е. М. Щербаковой за графический материал, а также ценные замечания и рекомендации, использованные при доработке настоящей статьи.

© Евсеев А. П., 2023

Москвы», подготовленного под редакцией крупнейшего русского криминолога М. Н. Гернета¹. Проанализировав анкеты более 1700 заключенных столичных исправдомов, авторы, среди которых были сам М. Н. Гернет, психиатр Е. К. Краснушкин, поэтесса С. А. Укше и другие, составили достоверную и во многих случа-

¹ См.: Преступный мир Москвы : сборник статей / под ред. М. Н. Гернета. Ржев, 1924. 246 с.

ях художественно яркую картину преступности в Москве 1920-х. Отдельные главы были посвящены грабителям и бандитам, убийцам, рецидивистам, ворам, мошенникам, самогонщикам и иной подобной публике, совершавшей наиболее распространенные в те годы преступления. Это исследование стало первым в истории советской криминологии, где на широчайшей выборке были продемонстрированы миазмы и социальные болезни советской Москвы.

Такой интерес к преступности в столичном городе не случаен. К тому времени за границей был издан ряд работ, например «Тюрьмы и заключенные Парижа» Гюйо или «По логовищам нищеты и преступления Вены» Клегера, на которые широко ссылались авторы указанного выше сборника. Неслучайно эпиграфом к нему духовный вдохновитель исследования М. Н. Гернет предпослал слова француза А. Гюйо: «Ни один человек, будь он самый счастливый, самый могущественный, самый любимый, не может быть уверен, что его труп не окажется завтра на скамьях морга среди тех, кто стал жертвою преступления, самоубийства и просто случая»². Чем же был продиктован интерес к московской преступности?

Если говорить кратко, то, как ни странно, «социальным заказом». Весной 1923 г. в Доме ученых на Пречистенке начальник административного отдела Моссовета В. Л. Орлеанский собрал крупнейших пеналистов того времени, многие из которых впоследствии вошли в авторский коллектив, с целью предложить им провести упомянутое выше анкетирование. Однако важность изучения преступного мира столицы осознавалась задолго до революции. Достаточно вспомнить работы русского статистика Е. Н. Тарновского, опубликовавшего в конце XIX в. объемистое исследование о движении, как тогда говорили, преступности в европейской России, включая Московскую губернию³. И немудрено, ведь, как писал М. Н. Гернет, «столицы и большие города – главное русло течения преступности страны. Мы говорим “главное русло” потому, что они всегда и везде были... местом, где некоторые формы преступности находили свою излюбленную “резиденцию” или куда они прибывали, чтобы “блеснуть” здесь своим особым блеском, своею изобретательностью, своею

нередкою чудовищностью и удивить даже тех, кто привык ко всяким видам и кого, казалось, более уже ничем не удивишь»⁴.

Мало кто знает, что в конце 1960-х гг. подвижнические усилия криминологов 1920-х, иногда в прямом смысле слова не имевших куска хлеба, были повторены группой студентов юридического факультета МГУ под руководством профессора Н. Ф. Кузнецовой. Как и их выдающиеся предшественники, наши современники провели сплошное анкетирование уголовных дел по имущественным корыстным преступлениям и убийствам по всем народным судам столицы и Мосгорсуду, опросили более двухсот осужденных за корыстные имущественные преступления по трем исправительно-трудовым колониям, собрав таким образом те же 1700 анкет. Авторы исследования, на которое, впрочем, тотчас же был наложен гриф «для служебного пользования», пришли к любопытным выводам. Например, было установлено, что в I квартале 1968–1969 гг. удельный вес убийств, как и в I квартале 1923 г., составил 4 %, а, скажем, количество разбойных нападений за истекший период увеличилось вдвое, грабежей – почти вчетверо (8 % против 30 %). Случаи же мошенничества, напротив, сократились в два раза (с 10 до 5 %) ⁵. Справедливости ради отметим, что численность населения Москвы за прошедшие десятилетия увеличилась более чем вчетверо: с полутора миллионов в 1923 г. до семи миллионов в конце 1960-х⁶.

С тех пор подобного рода исследования не проводились, за исключением, пожалуй, кандидатской диссертации А. А. Матвеевой и опубликованных на ее основе работ⁷. Однако с момента их выхода в свет прошло более двадцати лет, и содержащаяся в них статистическая информация безнадежно устарела. Современная Москва образца 2023 г. имеет заметно иной, не похожий на предыдущие исторические эпохи «лик», в не

⁴ Преступный мир Москвы. С. II.

⁵ Вступительная статья к данному исследованию опубликована в сборнике избранных трудов Н. Ф. Кузнецовой, увидевшем свет в 2003 г. См.: Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 712.

⁶ См.: Москва в цифрах : с начала века до наших дней. М., 1997. С. 13.

⁷ См.: Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М., 2005. С. 573–596 ; *Ее же*. Преступность в Москве // Криминология : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 2010. С. 239–248.

² Там же. С. I.

³ См.: Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб., 1899. 432 с.

меньшей, а то и в большей степени нуждающийся в изучении и анализе, хотя бы потому, что качественно изменилась структура столичной преступности, возникли новые виды преступлений, которые людям 1920-х гг. могли прийти в голову разве что при чтении фантастических повестей А. Толстого. Да и криминологи 1960-х с трудом могли предвидеть повсеместное распространение в Москве широкополосного интернета или, скажем, преступлений, совершаемых с использованием банковских карт, которыми сегодня владеет каждый второй пенсионер. Словом, преступный мир столицы изменился, а наши знания о нем едва ли стали глубже.

Вот почему в рамках настоящего исследования планируется сопоставить между собой «две Москвы»: Москву 1993 г. и Москву рубежа 2022–2023 гг., проследив тем самым динамику преступности в столичном регионе за последние тридцать лет. Этот временной интервал, насколько нам известно, никогда не подвергался исследованию в таком контексте.

В завершение автор считает своим приятным долгом посвятить эту статью выдающимся криминологам прошлого, имена которых упомянуты выше, и Той, чьи инициалы вынесены в эпиграф к данной работе.

Феномен городской преступности

Различия в преступности города и деревни с давних пор находились в поле зрения русских криминологов⁸. Первые исследования этого вопроса относятся к началу XX в. и неразрывно связаны с именами М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина и других представителей социологической школы уголовного права. В частности, почти повсеместно подчеркивалась бóльшая преступность горожанина. А. Н. Трайнин, вошедший в историю как консультант советской части Международного военного трибунала в Нюрнберге, вычислил, что в 1897–1904 гг. на 100 тыс. населения в России в городах приходилось 97 осужденных, в столицах – 72, а в уездах – всего 37⁹. Причем им отмечалось, что если разбить все преступления на три

группы (те, которые чаще совершаются в городе, те, где превосходство города над деревней незначительно, и те, которые чаще совершаются в деревне), то обе столицы (Санкт-Петербург и Москва) заняли бы среднее место между городом вообще и деревней с той оговоркой, что в определенные периоды в них происходил резкий рост преступлений против порядка управления (оскорбление величества, восстание, сопротивление властям и т. д.), что наблюдалось в Первопрестольной в период революции 1905 г.¹⁰

На основании многочисленных наблюдений в послевоенный период советским криминологам также удалось установить определенные корреляции, характеризующие соотношение сельской и городской преступности:

1) уровень городской преступности выше уровня преступности сельской;

2) для городской преступности характерны более имущественные преступления, когда как для сельской – преступления против личности;

3) на селе выше интенсивность тяжких преступлений, зато городская преступность богаче «ассортиментом»¹¹.

Вместе с тем подлинного прорыва в исследовании городской преступности удалось добиться американским криминологам. В этом нет ничего удивительного, если учесть бурный рост численности городского населения, пришедшийся на первую половину XX в. Так, народонаселение Чикаго в конце XIX столетия составляло всего несколько тысяч, когда как в 1920-е – около 2 млн (примерно столько же, сколько в Москве)¹². Кроме того, криминогенная ситуация в этом городе заметно осложнилась во времена «сухого закона» (англ. *Prohibition*), действовавшего с 1920 по 1933 г. Именно там свили себе гнездо многочисленные банды бутлегеров, представленные Аль Капоне, Счастливым Лучиано и другими «звездами» криминального мира, имена которых запечатлелись в людской памяти, если воспользоваться выражением М. Н. Гернета, «с такою свежестью и яркостью, как будто они сделаны вчера или третьего дня»¹³.

Так вот, чикагские ученые, в противовес модным тогда ломброзианским теориям, утверждали, что человек сам по себе ни плох и ни хорош.

¹⁰ Там же. С. 291, 292.

¹¹ Хохряков Г. Ф. Криминология. М., 1999. С. 227–231.

¹² Rafter N., Brown M. Criminology goes to the movies. N. Y., 2011. P. 67, 68.

¹³ Преступный мир Москвы. С. II.

⁸ Любопытно, что согласно переписи 1897 г. в Российской империи (без Польши и Финляндии) было менее 15 млн городских жителей (12,7 % всего населения), причем примерно половину из них составляли горожане в «первом поколении». См.: Вишневецкий А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М., 2019. С. 247.

⁹ Цит. по: Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 290.

Он таков, каким его делает окружение. Приезжая в большой город, как правило, с целью заработать денег (англ. *to make his fortune*), человек оказывается в незнакомом и враждебном ему окружении, утрачивая одновременно контакт с привычной средой. Как следствие, у него нарастает ощущение недовольства, психологического «аутсайдерства», предрасполагающее к расширению антиобщественных установок. При этом представители чикагской школы обратили внимание на то, что территория города, где действуют преступные шайки, и в географическом, и в социальном отношении представляет собой промежуточную территорию (англ. *transitional zone*), располагающуюся между «деловым центром» и жилыми кварталами. Данная часть города представлена промзонами, заброшенными зданиями, недорогим жильем, рассчитанным на мигрантов, и проч. Следовательно, уровень преступности в различных районах города неодинаков: наивысший уровень делинквентности характерен для районов с низкой арендной платой, расположенных недалеко от центра («участки, вскармливающие преступников»). По мере удаления от центра, на который приходится большая часть совершенных преступлений («участки, привлекающие преступников»), он снижается, но около крупных торговых и промышленных подцентров он снова высок и по мере удаления от них снова снижается¹⁴.

Именно американцами впервые на концептуальном уровне был поставлен вопрос о так называемой географии преступности, т. е. науке о пространственно-временном распределении девиантности, делинквентности и преступности в мире, частях света, странах, городах и т. д., а также об экологии преступности, исследующей взаимодействие, с одной стороны, среды, ландшафта, структуры строительства, а с другой – преступного поведения¹⁵.

Идя в своих рассуждениях дальше, представители чикагской школы обращаются к личности преступника, который в условиях городской среды, особенно в случае отсутствия или удаленности от него семьи, испытывает чувство психологической изоляции, одиночества, а необходимость свободного и ответственного выбора воспринимается им как аномия (безнормность). В качестве хрестоматийного примера американские

¹⁴ См.: Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 98.

¹⁵ См.: Rafter N., Brown M. Op. cit. P. 69.

учебники по криминологии обычно приводят таксиста из одноименного фильма М. Скорсезе, блестяще сыгранного Р. де Ниро. Дадим ему слово: «Одиночество сопровождает меня всю мою жизнь. Повсюду. В барах, автомобилях, на улицах, в лавках, повсюду. Нет выхода. Я божий одинокий человек...»¹⁶. Социальные связи, которые он пытается завести, например с героиней С. Шепард, рассыпаются столь же легко, как и завязываются. Единственный круг его общения образуют коллеги по таксопарку, один из которых мудро замечает: «Твоя работа становится тем, что у тебя внутри...» Все эти психологические зарисовки, подмеченные в отношении крупного города, вдвойне и втройне справедливы для столицы¹⁷.

Эти выводы в основном разделяются европейскими криминологами. В частности, немецкий ученый Г. Й. Шнайдер отмечает, что районом наивысшей притягательности для правонарушителей является центральный район, хотя сами преступники почти никогда в нем не проживают; районы, вскармливающие преступников («транзитная зона» в терминах чикагской школы), характеризуются обветшанием и разрушением зданий, большей мобильностью населения, нестабильностью социальных структур (прежде всего семьи)¹⁸. Добавим к сказанному, что кризис в крупном городе традиционной семьи и замена ее избирательной «товарищеской» группой считаются в социологической литературе решающими «метками» урбанизации¹⁹.

В рамках городской преступности ряд авторов (А. А. Матвеева, П. Н. Кобец²⁰) отдельно выделяют преступность сверхкрупного города, принимая за критерий последнего норму

¹⁶ Ibid. P. 77.

¹⁷ Любопытно, что для США обозначенные закономерности в отношении столицы не действуют или, по крайней мере, действуют в меньшей степени, нежели в других странах. Вашингтон, где редко можно встретить здания выше пяти этажей, с его 700-тысячным населением не идет ни в какое сравнение с Нью-Йорком (8,5 млн жителей), Чикаго (2,7 млн жителей) и другими крупными городами, превосходящими американскую столицу по многим параметрам, а потому переживающими отмеченные выше криминологические эффекты гораздо острее. Не потому ли М. Скорсезе поселил своего таксиста не в столице, а «каменных джунглях» Нью-Йорка?

¹⁸ См.: Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 204.

¹⁹ См.: Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993. С. 34.

²⁰ См.: Кобец П. Н. Предупреждение преступности в Москве. М., 2011. 153 с.

Градостроительного кодекса РФ, относящую к «сверхкрупным» города с численностью населения свыше 3 млн (ч. 3 ст. 5). Москва с 13 млн проживающих в ней идеально вписывается в эту классификацию.

По мнению А. А. Матвеевой, преступность сверхкрупного города (московская – не исключение!) характеризуется следующими отличительными признаками:

- 1) высоким уровнем корыстных преступлений (краж, мошенничеств и т. д.);
- 2) невысокой долей тяжкой насильственной преступности;
- 3) значительным удельным весом коррупционных преступлений по причине средоточия в столице высших органов государственной власти;
- 4) высокой долей преступности мигрантов;
- 5) развитостью профессиональной и организованной преступности;
- 6) совершением громких преступлений, вызывающих широкий общественный резонанс²¹ (убийство В. Листьева в 1995 г., Б. Немцова – в 2015 г.).

Но насколько эти особенности универсальны для всех мировых столиц? И всегда ли они «работали» в Москве на протяжении всех тридцати лет, прошедших с момента распада СССР? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к статистике.

Не секрет, что сегодня во всем мире большой популярностью пользуются разного рода рейтинги. Один из них – рейтинг самых опасных городов мира, при составлении которого использовался коэффициент умышленных убийств (англ. *index by homicide rate*) на каждые 100 тыс. жителей соответствующей территориальной единицы. Это так называемые относительные показатели, выражаемые отношением общего числа преступлений определенного вида (в данном случае – убийств) к численности населения. Если взять за основу указанный критерий, картина получится следующая. Первые 6 мест в рейтинге занимают мексиканские города: от Селаи с коэффициентом 109,39 до Энсенады с коэффициентом 90,58. Далее идет американский Сент-Луис с коэффициентом 87,83. Еще дальше – мексиканский Уруапан (72,59), бразильский Фейра-ди-Сантана (67,46) и Кейптаун (ЮАР) с коэффициентом 64. В рей-

тинге также фигурируют Балтимор (56,45), Акапулько (54,13) и Каракас (52,82)²².

В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что описанный тренд сохраняется на протяжении вот уже пятидесяти лет. В советской криминологической литературе еще в 1970-е гг. отмечалось, что коэффициент убийств наиболее высок в городах США, Мексики и ЮАР²³. Правда, определенные изменения за последние годы произошли в Колумбии и Венесуэле. Вплоть до заключения Картахенского мирного соглашения 2016 г. Колумбия напоминала военный лагерь, в котором, начиная с 1940-х гг., шла необъявленная война между правительственными войсками и поддерживающими их «парамилитарес» с одной стороны, боевиками леворадикальных формирований наподобие FARC или М-19 – с другой, и наркотрафикантами – с третьей. Все это влекло за собой волны насилия, безрассудных казней, уличных убийств и чисто колумбийского феномена «ложноположительных опознаний» (исп. *falsos positivos*). Суть последнего в том, что после того, как президент страны А. Урибе объявил вознаграждение за каждого убитого бойца FARC, силовика и «парамилитарес» стали убивать ни в чем не повинных выходцев из беднейших семей, выдавая их впоследствии за погибших в боестолкновениях партизан и наркодилеров. В 2002–2010 гг. жертвами таких действий стали по меньшей мере 1211 человек²⁴. Однако по завершении конфликта в Колумбии преступность пошла на спад, и коэффициент умышленных убийств в целом по стране сегодня равняется 24,4, что представляет собой наинизший с 1974 г. уровень²⁵.

Того же, к сожалению, нельзя сказать о Венесуэле, считавшейся длительное время, в отличие от Колумбии, весьма благополучной страной. Там после смерти харизматичного президента У. Чавеса в 2013 г., совпавшей по времени с резким падением цен на нефть, начались народные волнения, поставившие теперь уже эту страну на грань гражданской войны. Как след-

²² URL: <https://www.statista.com/statistics/243797/ranking-of-the-most-dangerous-cities-in-the-world-by-murder-rate-per-capita/>

²³ См.: Злобин Г. А. Общеуголовная преступность // США: преступность и политика / отв. ред. Б. С. Никифоров. М., 1972. С. 187.

²⁴ Подробнее см.: Евсеев А. Переходное правосудие в Колумбии: нереализованный потенциал // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 84.

²⁵ URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Crime_in_Colombia

²¹ См.: Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учеб. пособие. С. 241, 242.

стве, в обозначенном выше антирейтинге венесуэльские города Кумана, Гуаяна и столица Каракас вошли в первую двадцатку, существенно опередив Боготу с коэффициентом 17, который, кстати сказать, значительно ниже, чем в прочих городах Колумбии.

Что касается бразильских городов, то здесь высока доля смертей от действий полиции (исп. *letalidade policial*). Так, в 2018 г. от рук полицейских погибло 6220 человек, что на 20 % больше, чем годом ранее. В 2019 г. полицейские лишили жизни 5829 человек, а в 2020-м – 5660. Только в Рио-де-Жанейро четверть от всех «рукотворных» смертей приходится на долю полиции. Тем не менее в ряде городов, в том числе Сан-Паулу, было отмечено резкое снижение числа убийств (с 49,2 в 2001 г. до 5,5 в 2019 г.), что связывается со снижением доли молодежи в общей структуре населения и появившейся возможностью картографирования совершенных преступлений в режиме реального времени²⁶. Нам остается только добавить, что Москва в этих малоутешительных рейтингах даже не упоминается. Почему? Ответ будет дан ниже.

Состояние преступности в Москве в 1993 и 2022 гг.

Вновь обратимся к цифрам, но теперь уже характеризующим состояние преступности в столице нашей Родины (рис. 1).

Позволим себе высказать несколько соображений.

Во-первых, за тридцать лет существенным образом увеличилось народонаселение Москвы. Если в 1993 г. оно колебалось в диапазоне 8 млн 600 тыс. – 8 млн 900 тыс. человек, то в 2022 г. оно составило в среднем 13 059 651 человек. Именно такую цифру называет Росстат²⁷. Иными словами, численность населения по сравнению с началом 1990-х увеличилась более чем на треть. Во-вторых, первая половина 1990-х – «пиковые» годы роста преступности в России в целом, вызванного эффектом «взорванной империи». Этот процесс не мог обойти Москву стороной. По статистике преступность в столице неуклонно росла, сделав резкий скачок в 1989 г. (с 43,89 годом ранее до 60,75 на 10 тыс. жителей) и достигнув пика в 1995 г. (107,4), затем начала постепенно снижаться, впрочем, вновь пойдя в гору с 2000 г. (128,27)²⁸. Вместе с тем в современной Москве,

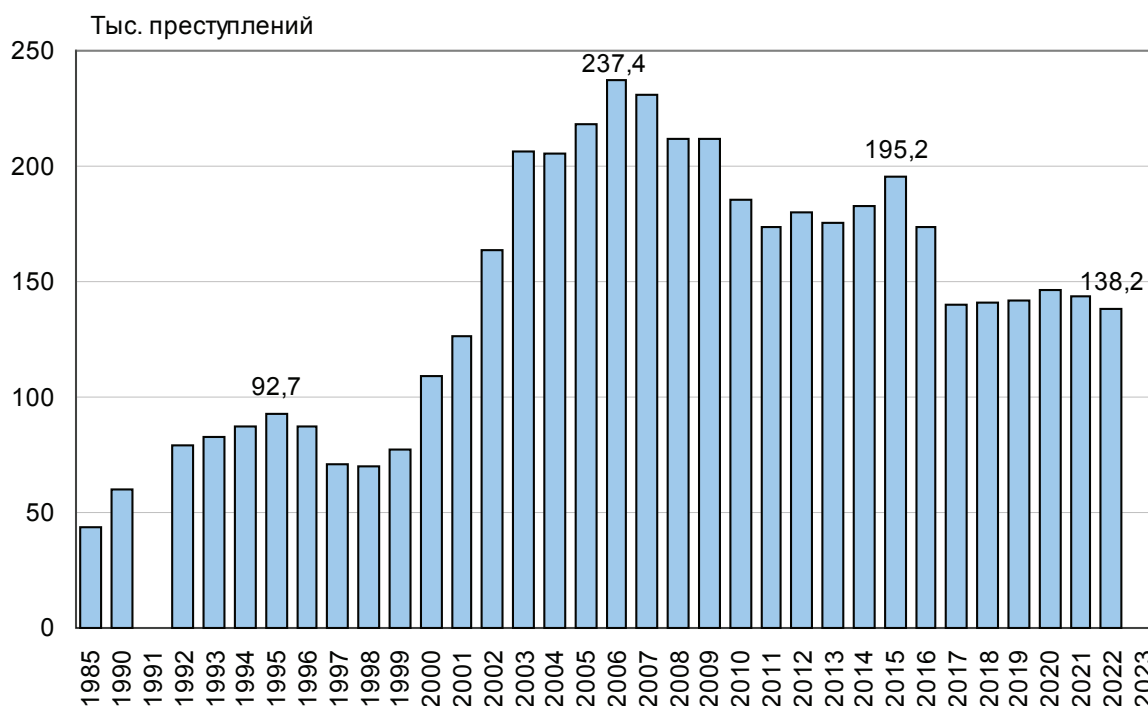

Рис. 1. Число преступлений, зафиксированных в Москве в 1985–2023 гг.

²⁶ См.: Клебанов Л. Р., Полубинская С. В. Преступность в Бразилии : особенности, противодействие, направленные исследования // Вестник ТГУ. 2022. № 474. С. 302, 303.

²⁷ URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

²⁸ См.: Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учебник. С. 576.

начиная с 2017 г., преступность держится примерно на одном и том же уровне (не считая незначительного всплеска в «ковидном» 2020 г.) в диапазоне 140–143 тыс. преступлений в год, даже снизившись в 2022 г. до 138 180 в абсолютных величинах (106,1)²⁹.

Следует учитывать также, что для сегодняшней Москвы характерно отсутствие резких линий и контрастов в уровне жизни населения (не считая очень богатых и очень бедных людей), метаний в социальной политике, что имело место в 1990-е гг. Можно даже утверждать, что в известной мере в Москве построено капиталистическое общество, а не общество переходного типа, чего нельзя сказать о других регионах России. Как тут не вспомнить меткое наблюдение прославленного немецкого юриста А. Нуссбергер о том, что «Сибирь исподволь начинается за пределами Садового кольца»³⁰! С этой точки зрения сегодняшняя московская преступность характеризуется более элитарным характером, преобладанием ненасильственных корыстных преступлений над «кровавой» преступностью и рядом других тенденций, существенно отличающихся от «лихих девяностых».

Кроме того, по сравнению с 1993 г. серьезно изменилось уголовное законодательство. Ряд преступлений (спекуляция, клевета и др.), за которые карал Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1960 г., были декриминализованы, тогда как в УК РФ 1996 г. предусмотрены целые виды преступлений, например преступления в сфере компьютерной информации (киберпреступность), которых не было в «постперестроечном» УК.

Напрашивается еще одно соображение. Преступность начала 1990-х, как и люди, попавшие в ее орбиту, – глубоко советские по своей природе, а потому многие закономерности, действовавшие в отношении преступности советского периода, были справедливы и для преступности новой России. Например, принято считать, что в советские годы уровень преступности в Москве был в два раза ниже среднего по стране и в три раза ниже, чем в Ленинграде³¹. Более того, обозначенная закономерность прослеживалась с дореволюционных времен. Так, по данным М.

Н. Гернета, перед Первой мировой войной за пять лет (в 1909–1913 годах) в Санкт-Петербурге было осуждено за убийства в три раза больше человек, чем в Москве (396 против 130), при том, что в то время население Северной Пальмиры превышало население Москвы на четверть (в 1912 г. в Санкт-Петербурге проживало чуть более 2 млн человек, а в Москве – 1 млн 600 тыс.). А, скажем, разбои и грабежи совершались в Санкт-Петербурге (7,4 %) чаще, чем в Москве (2,7 %)³².

Эта же корреляция – преобладание за редким исключением питерской преступности над московской – сохранялась и в конце XX в. Так, в 1993 г. коэффициент совершенных преступлений на 10 тыс. человек в Санкт-Петербурге составлял 254,26, а в столице этот показатель был в 2,7 раза ниже³³. Да и в целом все 1990-е гг. уровень преступности в Санкт-Петербурге был заметно выше, чем в Москве, что способствовало формированию мифа о «бандитском Петербурге». Остается добавить, что начиная с 2010-х гг., это правило стало давать сбои. Если в 2010–2014 гг. коэффициент преступности на 100 тыс. жителей в Санкт-Петербурге колебался в диапазоне 1096,06–1313,85, то в Москве за тот же период он никогда не падал ниже 1460,75³⁴. Проиллюстрируем нашу мысль графически – на примере динамики зарегистрированных убийств и покушений на убийство в обеих столицах (рис. 2).

Итак, в 1993 г. в России количество зарегистрированных преступлений составило 2 799 614, из которых 82 556 были совершены в Москве³⁵. Коэффициент преступности составил, таким образом, 939,2 на 100 тыс. населения, что было значительно ниже, чем в Санкт-Петербурге (2542,5) и всех прочих регионах, за исключением Дагестана (874,6). На третьем месте была Кабардино-Балкария (984,9)³⁶. Любопытно, что обозначенный тренд – низкий уровень преступности в северокавказском регионе – сохранился и сегодня. Так, по состоянию на 2021 г. в число регионов с самыми низкими коэффициентами преступности вошли Чечня (209), Ингушетия

³² См.: Преступный мир Москвы. С. XXIII, XXIV.

³³ См.: Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учебник. С. 578.

³⁴ URL: http://crimestat.ru/regions_chart_population

³⁵ Здесь и далее статистика по 1993 г. приводится по: Преступность и правонарушения. 1993 : стат. сборник. М., 1994. С. 5, 19.

³⁶ Данные по Чечено-Ингушетии отсутствуют.

²⁹ URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total

³⁰ Цит. по: Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 500.

³¹ См.: Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учеб. пособие. С. 242.

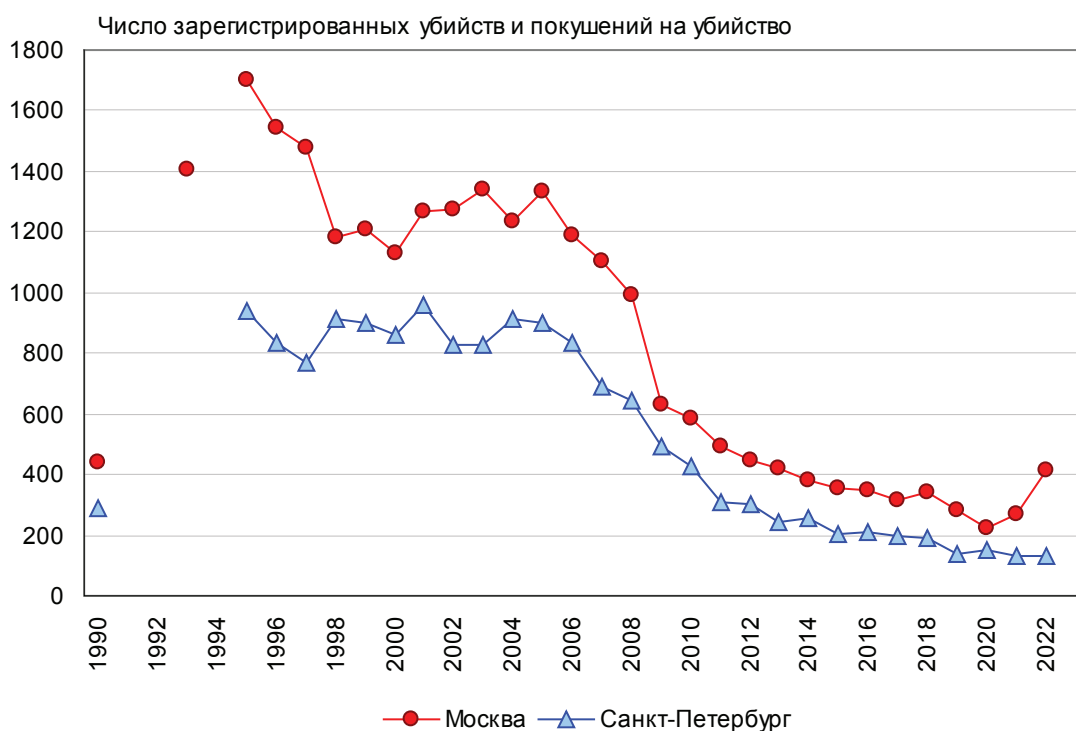

Рис. 2. Динамика зарегистрированных убийств и покушений на убийство в Москве и Санкт-Петербурге в 1990–2022 гг.

(408) и Дагестан (474)³⁷. Более того, он давно известен криминологической науке. В старой России его объясняли магометанской верой, тейповой структурой общества, способствовавшей осуществлению неформального контроля за своими членами. В этом видели, кстати сказать, причину практически полного отсутствия женской преступности в названных краях³⁸. Однако в нынешних реалиях не исключено, что истина кроется, скорее, в высокой латентности многих преступлений, за исключением, разумеется, терроризма, совершаемых на Северном Кавказе, нежелании портить ведомственную статистику, круговой поруке и т. д. Такого мнения придерживался, например, В. В. Лунеев³⁹. Тем не менее факт остается фактом – в 1993 г. Дагестан, Москва и Кабардино-Балкария вошли в тройку самых безопасных регионов России.

Количество тяжких преступлений, совершенных в тот год в Москве, было одним из самых высоких и составило в абсолютных величинах

нах 19 590, уступив «пальму первенства» только чрезвычайно криминогенной Свердловской области (25 518). В относительных величинах коэффициент для данной категории преступлений равнялся 222,8. Вместе с тем коэффициент преступлений против личности в Москве был равен 47,3 (4162 зарегистрированных преступных деяний), что значительно ниже других регионов России, за исключением Дагестана (37,1) и Кабардино-Балкарии (40).

При сопоставлении статистики преступности в абсолютных и относительных величинах сразу бросается в глаза закономерность, при которой хотя в абсолютных числах определенное преступление совершается в столице чаще, чем где бы то ни было, в относительных величинах ситуация выглядит не столь удручающе. В чем здесь дело?

Как известно, абсолютные показатели в статистике считаются базовыми. Однако их собственные аналитические возможности ограничены. «По абсолютным сведениям, – писал В. В. Лунеев, – трудно судить об уровне преступности в разных городах и практически нельзя ответить на вопрос, где преступность выше, а где ниже, так как города могут существенно различаться по численности населения, размеру тер-

³⁷ Криминология : учебник / отв. ред. И. М. Мацкевич. М., 2023. С. 63.

³⁸ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. С. 139.

³⁹ См.: Лунеев В. В. Преступность // Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 2007. С. 107.

ритории и другим важным параметрам. Одно дело – город со 100-тысячным населением и другое – мегаполис с несколькими миллионами жителей. В последнем случае число преступлений будет многократно выше, но, может быть, совсем не настолько, на сколько в нем больше жителей. Тогда преступность в малом городе в расчете на население окажется выше, чем в большом»⁴⁰. Иными словами, значительные абсолютные показатели как бы «растворяются» в численности самого населенного субъекта федерации, коим является Москва.

Примечательна статистика по умышленным убийствам и покушениям на них, что считается в общественном сознании «фишкой» 1990-х гг. В 1993 г. по Москве их количество составило в абсолютных числах наивысший показатель по стране – 1404, опережая другие регионы даже в относительных показателях (15,9). В Москве совершалось убийств столько же, сколько в тогдашней Мордовии и почти столько же, сколько в Ивановской области (16). Зато ситуация выглядела значительно лучше на всем Северном Кавказе, в Татарстане (15,2), Белгородской (8,7), Воронежской (9,4), Калужской (13), Липецкой (10,5) и некоторых других областях. Фактов тяжких телесных повреждений в Москве было выявлено 1937 (коэффициент 22), что было одним из наименьших показателей, за исключением северокавказских республик, Белгородской (20,3), Воронежской и Пензенской (в обеих – 20,8) областей. Количество изнасилований равнялось 395, которое в относительных показателях – 4,4 – также было одним из наиболее низких. Что касается уголовно наказуемого хулиганства, охватывающего в судебной практике множество разнохарактерных деяний, то на территории Москвы было зарегистрировано 3322 факта такового, что в относительных величинах составило 37,7. Лучше ситуация была только в Адыгее (32) и Кабардино-Балкарии (30,6). В абсолютных величинах в Москве было совершено 3274 разбойных нападения – больше, чем где бы то ни было, включая Санкт-Петербург (3175), при этом коэффициент для данного преступления составил 37,2, опередив большинство регионов. Высока была статистика по грабегам – 5595 (63,6). Самое распространенное в городской среде преступление – кража – подсчиты-

валось до 1994 г. отдельно для государственно-го, или общественного, и отдельно – для личного имущества. В первом случае коэффициент по Москве составил 115,9, а во втором – 351 (низший за вычетом северокавказских республик). Обращает на себя внимание статистика зарегистрированных фактов взяточничества – 317 по всей Москве, что дало коэффициент 4,4⁴¹. Причем подсчет этого преступления велся, исходя из расчета на 100 тыс. жителей в возрасте 16 лет и старше. В относительных показателях это один из наиболее высоких по России тех лет. Столь незначительное количество взяток в стране, разъедаемой коррупцией, объясняется традиционно высокой латентностью данного преступления. Но самое поразительное, что уже в наши дни, в 2022 г., в Москве было зарегистрировано почти столько же фактов взяточничества – 397 случаев получения взятки и 346 – дачи ее (при этом очевидно, что в случае выявления данного преступления дача взятки и получение ее образуют единый, неразрывно связанный эпизод).

Как видим, преступность в Москве в 1990-е гг. росла опережающими темпами, уступая тем не менее Санкт-Петербургу едва ли не по всем параметрам, была ниже, чем в среднем по России, но характеризовалась всплеском разбойных нападений как в абсолютных, так и в относительных величинах. Спад второй половины 1990-х гг. был связан в определенной степени с введением в действие первых частей нового УК, как отмечалось в одном из статистических сборников ВНИИ МВД⁴². С 2007 г. преобладала тенденция снижения, прерывавшаяся в 2014–2015 гг. и завершившаяся относительной стабилизацией в 2017–2022 гг. В 2022 г. в Москве было зарегистрировано преступлений в 1,7 раза меньше, чем в 2006 г., но больше, чем в начале века, и вдвое больше, чем в начале 1990-х гг. Однако за то же время население увеличилось почти в 1,5 раза, заметно расширилась (с 2012 г.) и территория города, что также имеет немалое значение,

⁴¹ Мы столь подробно останавливаемся на статистике 1993 г. по той причине, что сегодня она уже практически недоступна для исследователей, тогда как новейшая статистическая информация без особого труда может быть обнаружена одним кликом компьютерной мышки.

⁴² См.: Состояние и тенденции преступности в РФ : криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. М., 2007. С. 9.

⁴⁰ Лунеев В. В. Юридическая статистика. М., 2004. С. 194.

особенно если иметь в виду разные по криминогенности районы мегаполиса.

А что же мы видим сегодня? Обратимся к данным за 2022 г., но перед этим сделаем несколько оговорок.

Сравнение преступности в 1993 и 2022 гг. наталкивается на ряд сложностей. Прежде всего обращает на себя внимание разобщенность современной информации о состоянии преступности в стране. Некоторые сведения можно почерпнуть с сайта МВД, по-прежнему *de facto* ответственным за сбор и обработку такой информации и обладающему для этого необходимой инфраструктурой (речь идет о Главном информационно-аналитическом центре МВД, который и в 1990-е гг. осуществлял подобную деятельность). Однако в публикуемых на сайте ежегодных сборниках (более удобные для многих печатные версии отошли в прошлое) отсутствует часть информации, которую МВД давало в 1990-е. Например, статистика по регионам дается лишь по некоторым аспектам динамики (регионы с наименьшими/наибольшими темпами прироста числа зарегистрированных преступлений, выявленных лиц и т. д., в процентах), но уже не освещается каждый вид преступления отдельно по субъекту федерации. Региональная информация несколько лучше представлена на сайте Генеральной прокуратуры *crimestat.ru*, однако статистику по многим видам преступлений «Государево око» дает укрупненно (тяжкие преступления, особой тяжести, преступления экономической направленности и т. д.), что существенно затрудняет возможность поиска информации по конкретному преступлению, относящемуся, например, к категории тяжких или особо тяжких. Об опасности такого подхода предупреждал еще в 20-е гг. прошлого века крупнейший русский криминолог П. И. Люблинский. «Если выяснять степень репрессии, – писал он, – то это следовало бы сделать применительно к каждому отдельному преступлению (а не к абстрактной группе их)...»⁴³. Так, например, статистика по изнасилованиям или грабежам, имевшим место в 2022 г., была обнаружена нами на сайте третьей организации – Росстата, в ЕМИСС. Кроме того, с 2014 г. Генпрокуратура не пользуется относительным показателем в расчете на 100 тыс. населения, что в свою очередь затрудняет сопостав-

ление статистической информации с 1993 г., где данный показатель выступал в качестве основного. Поэтому соответствующий расчет производился нами вручную по формуле: количество зарегистрированных преступлений определенного вида умножить на 100 000 и поделить на 13 059 651, т. е. на среднее количество жителей Москвы в 2022 г.

Наконец, почти невозможно сравнивать статистику тяжких преступлений. Если действующий УК РФ знает градацию преступлений на тяжкие и особо тяжкие, исходя из четкого критерия суровости наказания (ст. 15), то УК РСФСР, не знавший в 1993 г. понятия «особо тяжкое преступление», пользовался социологическим, по сути, подходом, определяя тяжкие преступления как умышленные деяния, представляющие повышенную общественную опасность, и относя к ним – сугубо по усмотрению законодателя – такие различные по своей природе деликты, как контрабанда и массовые беспорядки, умышленное убийство и спекуляцию при отягчающих обстоятельствах, злостное или особо злостное хулиганство и угон воздушного судна (ст. 7¹). Стоит ли говорить о том, что к тому же в этот перечень периодически вносились изменения: одни преступления исключались из него, а другие – вводились.

Как бы там ни было, в прошлом году в России было зарегистрировано 1 966 795 преступлений, из которых 138 180 – в Москве⁴⁴. Коэффициент преступности составил 1058,06 на 100 тыс. населения. Прежде чем перейти к анализу московской преступности, скажем несколько слов об общероссийской. 35,5 % в общероссийском «пироге» приходится на кражи (в 1993 г. – 56 %), 17,4 % – на мошенничество (в 1993-м – чуть более 2 %, восьмикратный рост), 1,7 % – на грабежи и разбои (в 1993 г. – 8 %, спад в 4,7 раз), 1,4 % – на убийства, тяжкие телесные повреждения и изнасилования (в 1993-м в сумме эти преступления давали почти 4 %, следовательно, налицо спад в 2,8 раз), 1 % – на взяточничество (в 1993 г. – 0,2 %). 0,1 % занимает уголовно наказуемое хулиганство (в 1993-м – 5,7 %, беспрецедентный спад в 57 раз!). Значительную долю, 38,3 %, занимают остальные составы. Повторимся, что речь идет о статистике по России в целом.

⁴⁴ Здесь и далее статистика за 2022 г. приводится по интернет-ресурсам либо МВД (<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/>), либо Генпрокуратуры РФ (http://crimestat.ru/regions_chart_total), либо Росстата (<https://fedstat.ru/indicator/36225>).

⁴³ Люблинский П. И. Статистика преступности в СССР // Вестник советской юстиции. 1928. № 4. С. 101.

Невольно напрашивается вывод, что российская преступность приближается к средневропейской. В первую очередь это подтверждается уменьшением удельного веса насильственной преступности и увеличением фактов мошенничества, которое теперь может осуществляться в различных сферах. Тем самым преступность становится более экономически ориентированной, корыстной.

Посмотрим теперь, как общероссийские тенденции проявляют себя в столице. Для большей наглядности представим имеющиеся данные в виде таблицы, одновременно сопоставляя их с данными за 1993 г.

Некоторые выводы

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам.

1. По сравнению с 1993 г. количество зарегистрированных преступлений выросло и в абсолютных, и в относительных показателях. При этом если население Москвы увеличилось за рассматриваемый период где-то в полтора раза, то рост преступности обогнал прирост населения в 1,67 раз. Сегодняшний коэффициент преступности в Москве в относительных показателях почти догнал тяжелейший 1995 г., просто преступность стала иной (менее «кровавой», более корыстной, появилась возможность совершать

преступления с использованием компьютерной техники и т. д.).

2. За рассматриваемый период снизились число и коэффициент таких преступлений, как грабежи и разбои, а также тяжчайших преступлений против личности (убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований), что свидетельствует об ощутимом спаде в Москве насильственной преступности. Примерно на том же уровне, что и тридцать лет назад, остались случаи зарегистрированного взяточничества.

3. Несколько снизился коэффициент краж: с 466,9 (суммарно по всем формам собственности) в 1993 г. до 436,54 в 2022 г.

4. Практически сошло на нет уголовно наказуемое хулиганство (спад в 24 раза).

5. Вместе с тем ряд преступлений, не охваченных таблицей, учет которых в 1993 г. не велся по причине отсутствия их криминализации, демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Так, в 2022 г. в Москве было зарегистрировано 152 преступления террористического характера (в УК РСФСР в редакции 1993 г. под террором имелся в виду состав, скорее, схожий со ст. 277 действующего УК), 280 преступлений экстремистской направленности, что составило рост на 374,6 % по сравнению с 2021 г., и ряд других. Их специфика в московских условиях требует детального изучения. При этом динамика пре-

Т а б л и ц а

Состояние преступности в Москве в 1993 и 2022 гг.

Показатель	1993 г.			2022 г.		
	число преступлений	в % к общему числу	на 100 тыс. человек	число преступлений	в % к общему числу	на 100 тыс. человек
Зарегистрировано преступлений, всего	82 556	100,0	939,2	138 180	100,0	1058,1
в том числе:						
Убийства и покушения на убийство	1404	1,7	15,9	413	0,3	3,2
Тяжкие телесные повреждения	1937	2,3	22,0	543	0,4	4,2
Изнасилования и покушения на изнасилование	395	0,5	4,4	151	0,1	1,2
Разбой	3274	4,0	37,2	374	0,3	2,9
Грабеж	5595	6,8	63,6	1537	1,1	11,8
Кража государственного или общественного имущества	10 194	12,3	115,9	57 011	41,3	436,5
Кража личного имущества	30 857	37,4	351,0			
Взятка	317	0,4	4,4	743	0,5	5,7
Хулиганство	3322	4,0	37,7	206	0,1	1,6

ступности в целом последние пять лет остается в Москве практически неизменной, колеблясь в диапазоне 140–143 тыс. преступлений в год, когда как для 1990-х гг., по крайней мере первой их половины, был характерен бурный рост из года в год.

Конечно, оценка состояния преступности в сверхкрупном городе, каким является Москва, не может строиться сугубо на статистическом анализе. Окончательные выводы о ее динамике нельзя делать, руководствуясь одними лишь статистическими данными. Но возможность использования статистических измерений, в отличие от большинства других методик, создает в то же время значительные преимущества для изучения криминогенной обстановки. Данные преимущества необходимо максимально использовать. Вот почему статистический анализ должен быть ориентирован на то, чтобы давать достаточный абрис основных параметров состояния и тенденций преступности. Исходя из этого, можно проводить дальнейшую работу по оценке ситуации с преступностью как на федеральном, так и на региональном уровне.

Библиографический список

Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория : курс лекций. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 368 с.

Гернет М. Н. Избранные произведения. М. : Юрид. лит., 1974. 640 с.

Евсеев А. Переходное правосудие в Колумбии : нереализованный потенциал // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 77–99.

Злобин Г. А. Общеуголовная преступность // США : преступность и политика / отв. ред. Б. С. Никифоров. М. : Мысль, 1972. С. 163–229.

Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М. : Норма, 2010. 544 с.

Клебанов Л. Р., Полубинская С. В. Преступность в Бразилии : особенности, противодействие, направление исследований // Вестник ТГУ. 2022. № 474. С. 300–311.

Кобец П. Н. Предупреждение преступности в Москве. М. : ВНИИ МВД РФ, 2011. 153 с.

Криминология : учебник / отв. ред. И. М. Мацкевич. М. : Проспект, 2023. 512 с.

Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 834 с.

Левада Ю. Статьи по социологии. М. : Б. и., 1993. 192 с.

Лунеев В. В. Преступность // Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М. : Юристъ, 2007. С. 74–121.

Лунеев В. В. Юридическая статистика. М. : Юристъ, 2004. 392 с.

Люблинский П. И. Статистика преступности в СССР // Вестник советской юстиции. 1928. № 4. С. 99–102.

Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 573–596.

Матвеева А. А. Преступность в Москве // Криминология : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М. : Проспект, 2010. С. 239–248.

Москва в цифрах : с начала века до наших дней. М. : Мосгоркомстат, 1997. 115 с.

Преступность и правонарушения. 1993 : статистический сборник. М. : Финансы и статистика, 1994. 183 с.

Преступный мир Москвы : сборник статей / под ред. М. Н. Гернета. Ржев : Тип. Укоммунотдела, 1924. 246 с.

Состояние и тенденции преступности в РФ : криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. М. : Экзамен, 2007. 383 с.

Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб. : Тип. Правит. Сената, 1899. 432 с.

Фокс В. Введение в криминологию. М. : Прогресс, 1980. 312 с.

Хохряков Г. Ф. Криминология. М. : Юристъ, 1999. 511 с.

Шнайдер Г. Й. Криминология. М. : Прогресс-Универс, 1994. 504 с.

Rafter N., Brown M. Criminology goes to the movies. N. Y. : New York University Press, 2011. 227 p.

References

Crime and delinquency. 1993 : Stat. Sat. Moscow : Finance and Statistics, 1994. 183 p.

Criminology : textbook / ed. I. M. Matskevich. Moscow : Prospekt, 2023. 512 p.

Evseev A. Transitional justice in Colombia : unrealized potential // International justice. 2020. No. 4. P. 77–99.

Fox V. Introduction to criminology. Moscow : Progress, 1980. 312 p.

Gernet M. N. Selected works. Moscow : Legal. lit., 1974. 640 p.

Khokhryakov G. F. Criminology. Moscow : Yurist, 1999. 511 p.

Klebanov L. R., Polubinskaya S. V. Crime in Brazil : features, counteraction, direction of research // Bulletin of TSU. 2022. No. 474. P. 300–311.

Kobets P. N. Crime prevention in Moscow. Moscow : All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2011. 153 p.

- Kuznetsova N. F.* Selected works. St. Peterburg : Legal. Center Press, 2003. 834 p.
- Levada Yu.* Articles on sociology. Moscow, 1993. 192 p.
- Luneev V. V.* Crime // Criminology : textbook / eds. V. N. Kudryavtseva and V. E. Eminova. Moscow : Yurist, 2007. P. 74–121.
- Luneev V. V.* Legal statistics. Moscow : Yurist, 2004. 392 p.
- Lyublinsky P. I.* Crime statistics in the USSR // Bulletin of Soviet Justice. 1928. No. 4. P. 99–102.
- Matveeva A. A.* Crime in Moscow // Criminology : textbook. / eds. N. F. Kuznetsova, V. V. Luneeva. Moscow : Wolters Kluwer, 2005. P. 573–596.
- Matveeva A. A.* Crime in Moscow // Criminology : textbook. allowance / ed. N. F. Kuznetsova. Moscow : Prospekt, 2010. P. 239–248.
- Moscow in numbers : from the beginning of the century to the present day. Moscow : Mosgorkomstat, 1997. 115 p.
- Rafter N., Brown M.* Criminology goes to the movies. N. Y. : New York University Press, 2011. 227 p.
- Schneider G. J.* Criminology. Moscow : Progress-Univers, 1994. 504 p.
- State and trends of crime in the Russian Federation: criminological and criminal legal reference book / eds. A. Ya. Sukhareva, S. I. Girko. Moscow : Exam, 2007. 383 p.
- Tarnovsky E. N.* Results of Russian criminal statistics for 20 years (1874–1894). St. Petersburg : Typ. Govt. Senate, 1899. 432 p.
- Underworld of Moscow : collection. Art. / ed. M. N. Gernet. Rzhnev : Typ. Ukommunotdela, 1924. 246 p.
- Vishnevsky A. G.* Demographic history and demographic theory : a course of lectures. Moscow : Publishing house. HSE House, 2019. 368 p.
- Zlobin G. A.* General crime // USA : crime and politics / eds. B. S. Nikiforov. Moscow : Mysl, 1972. P. 163–229.
- Zorkin V. D.* Modern world, law and the Constitution. Moscow : Norma, 2010. 544 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Евсеев А. П., кандидат юридических наук, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права

E-mail: apevseyev@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.11.2023

Для цитирования:

Евсеев А. П. Преступность в Москве как столичная преступность // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 235–247. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/235-247>.

National Research University «Higher School of Economics»

Evseev A. P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the School of Criminal Law, Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law

E-mail: apevseyev@gmail.com

Received: 15.11.2023

For citation:

Evseev A. P. Crime in Moscow as crime in the capital // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 4 (55). P. 235–247. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/235-247>.